

ПЕНСИОНЕР

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ. ДОМ В ГЛУШИ

ПЕНСИОНЕР

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ. СВОИ И ЧУЖИЕ

ПЕНСИОНЕР

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ. НЕЛЮДИ

Пролог

Новая Земля. Латинский союз. Горы Сьерра-Гранде. 26 год, 4-й месяц, 6-е число. 1950

— Витёк, ты чего, бухой? — Сергей Огромов презрительно смотрел на сидящего перед ним на ящике мужчину в синем рабочем комбинезоне.

— Ну... м... я чуть-чуть, — невнятно отвечал тот.

Сергей выдернул из руки пьяницы почти пустую бутылку и подозрительно её понюхал.

— Ты говорить-то можешь?

Витёк в ответ молча кивнул головой.

— Тогда говори, что в бутылке?

— Эта... моё из'бр'тение.

— Самогон, что ли?

Очередной кивок.

— Витёк, вот как ты умудряешься? Ни дрожжей, ни аппарата, а всё равно гонишь.

— Я же... это... пр'ф'сёнал.

— Алкаш ты профессиональный. Где аппарат?

— Партизаны..

— Дурак ты, а не партизан. Витёк, это я тебя по-землячески пожурю, поругаю, да и отпущу. А если тебя Джон Маверик поймает?

Даже сквозь алкоголь было видно, что пьяный побледнел. Лицо его стало не таким красным, глаза полностью сфокусировались, он с полминуты помолчал, потом гораздо более трезвым голосом, чем минуту назад, пообещал:

— Я разберу, Серёга, зуб даю.

— Нет, Витёк. — Огромов был неумолим. — Я тебя знаю. Как разберёшь, так и обратно соберёшь. Показывай.

Витёк, кряхтя, встал со своего импровизированного сиденья и поплёлся по тёмному техническому коридору. Сергей шёл за ним. Войдя в котельную, он почувствовал характерный запах сивухи.

— Ну ты дурак, — констатировал Огромов. — Тут же воняет. Наверное, через все этажи чувствуется.

— Не, — гордо помотал головой самогонщик. — Я вентиляцию прямо наружу вывел. Она теперь с общей не стыкуется.

— Хватит про вентиляцию. Аппарат куда спрятал?

— Может, оставим, а? — сделал последнюю попытку Витёк. — Ведь если ты не нашёл, то буржуйам тем более не найти.

— Чтобы я и не нашёл? — с гордостью возразил Огромов и начал обыск.

Самогонный аппарат он обнаружил только через десять минут. Точнее, увидел его сразу же, как вошёл в котельную, но кто бы мог подумать, что старая чугунная батарея — это заменитель змеевика, а на стене висит не расширительный бачок, а как раз ёмкость для кипячения браги. А главное, нагревается всё это паром из системы водонагрева, пропущенным внутрь бывшего расширительного бачка. Конструкция оказалась настолько оригинальной и необычной, что Сергей с полминуты малодушно хотел оставить всё как есть. Но чувство долга, а главное, чувство страха перед работодателем взяло верх.

Чтобы разобрать систему, пришлось на пять минут перекрывать во всей лаборатории горячую воду. К счастью, обошлось — рабочий день биологов подходил к концу, но ещё не завершился. Если бы задержались минут на десять — учёные закончили бы исследования, и, как водится, отправились в душ и переодеться.

Подготовив части самогонного аппарата к выбросу, Огромов повернулся к почти полностью отрезвевшему технику и спросил:

— Брага где, Кулибин?

— Нет браги, хоть режь меня, хоть ешь меня, — гордо ответил Витёк, стремительно достал из внутреннего кармана маленькую пластиковую бутылочку, зубами сорвал крышку и резко выдохнул: — Ух! Здрав буди, боярин.

На глазах у изумлённого Огромова он опрокинул содержимое в рот, и по котельной пронеслась волна аромата сивушных масел.

— Ты оборзел, что ли? — изумлённо спросил Сергей.

— Последняя была, — глядя на него честными до дебильности глазами, ответил Витёк. — А последнюю и вор не берёт.

Огромов только махнул рукой. Затем принюхался.

— Витёк, а из чего ты брагу ставишь?

— Не из чего. Сам же аппарат поломал, на фи́га её теперь ставить?

— Ну ладно, — согласился Сергей. — Сейчас не ставишь. А раньше из чего? Дрожжей-то нет!

— Дурак ты, Сергей Петрович, хоть и старший техник, — вновь заплетающимся языком ответил Витёк. — Сразу видно, не пробовал ты натурпрпр... натур... продукта.

Пьяница снова заговорил по слогам, небольшой бутылочки оказалось достаточно, чтобы поднять затихшее опьянение. С минуты он во-

дил руками, что-то прикидывая про себя, затем начал пояснять:

— Дрожжи, Сергуня, они вообще вредоносный эль'мент. Надо без них обходиться, как предки.

Сергей вспомнил телепередачу, виденную ещё на старой Земле, где показывали, как африканские дикари, не знающие цивилизации, жевали инжир и оставляли его бродить под жарким солнцем.

— Ты жёванный хлеб, что ли, туда кладёшь? — презрительно спросил он.

— Фу, Серёга, не говори гадостей, вырвет же. Я кукурузу толку. Вон её сколько, — Витёк махнул рукой направо.

В этом направлении на улице стоял бункер со специально обработанной кукурузой, которая шла на корм лабораторным образцам. В своё время Огромову специально пояснили, что использовать её в пищу ни в коем случае нельзя. С тех пор старший техник обходил бункер десятой дорогой. А вот младший, похоже, не внял предупреждениям.

— Через валки пропускаешь, — увлечённо пояснял тем временем Витёк, — она выходит, одна к одной раздавленная.

Он шатающейся походкой подошёл к огромному столитровому резервуару для углекисло-

ты, стоящему в углу, и с кряхтением отвинтил верхнюю часть, примерно на четверть высоты. В помещении снова запахло брагой.

— Видишь, что смастырил, — похвастался Витёк. — Смотри, какая резьба ровная.

Огромов подошёл к бывшему огнетушителю. Когда-то это была часть системы пожаротушения. Сейчас резервуар переквалифицировался в чан для браги. Всё оказалось сделанным с умом. Кроме самодельной резьбы на обеих разрезанных частях, на кране располагалось остроумное приспособление — клапан сброса давления. Устроен он был проще некуда — резиновый кружок в трубке между двух контргаяк. Трубка просверлена. В результате давления изнутри кружок приподнимается и открывает отверстие. При давлении снаружи — только плотнее ложится на контргайку.

Сергей наклонился. К привычным запахам браги примешивался какой-то незнакомый.

— Что добавлял? — строго спросил он.

— Ей-богу, ничего. Серёга, всё по уму — кукуруза, сахар и вода. Хоть на царский стол.

Наконец Огромов узнал этот запах. Так пахло от лабораторных автоклавов, когда бригада их ремонтировала. Он ещё раз глянул на Витька. Интересно, что же это за запах, подумал он. Кукуруза иначе пахнет, даже перебродившая.

В этот момент ему показалось, что левая рука у его подчинённого протянулась больше чем на два метра и выдернула из-за радиатора-змеевика точно такую же пластиковую бутылочку.

Сергей даже зажмурился и помотал головой. Вот это дала брага в мозги, подумал он, и пить не надо, достаточно понюхать.

Когда Огромов открыл глаза, Витёк уже выпил содержимое бутылки, резко выдохнул и отшвырнул пустую тару в угол. Сергей подозрительно посмотрел на него:

— Где взял?

— Ну... — Тот замялся. — Та не последняя была. Ещё одна в кармане лежала.

Огромов вдруг понял, что Витёк врёт. Неужели не показалось? Да нет, бред какой-то, одёрнул себя Сергей Петрович. Скорее всего, ещё пара бутылков по карманам распахана.

— Бери огнетушитель, понесли выливать.

— Серёга, может, не надо? — взмолился Витёк. — Я и тебя угощать буду...

— Бери! Ты оттуда, я оттуда.

— Э-эх! — Пьяница обхватил огнетушитель, прижав его к животу, и, шатаясь, побрёл на выход.

— Сам вылью, — бормотал он. — Тебе же лучше будет. А то обозлюсь на тебя за порчу имущества.

Новая Земля. Латинский союз. Горы Сьерра-Гранде. 26-й год, 4-й месяц, 6-е число. 22.00

Джон Маверик сосредоточенно просматривал листы с отчётами. Несмотря на то что вся документация в лаборатории велась в электронном виде, компьютеры он не любил. Поэтому в конце каждого рабочего дня руководители групп, проклиная неумелого «чайника», распечатывали краткий итог и результат работы.

Настойчиво заверещал селектор. Маверик снял трубку.

— Профессор Джон Маверик на связи.

— Ну как? — Голос говорившего был резок.

— Пока без изменений, мистер Валленштайн.

— А кукуруза?

— Да, результат с кукурузой гораздо лучше, чем с пшеницей, но всё равно при изменении свойств возникает нестабильность личностных характеристик. За неделю нам удалось ограничить увеличение гипофиза тридцатью процентами, но и это слишком много.

— А кроме рациона что-нибудь пробовали?

— Конечно, мистер Валленштайн. Суггестия даёт задержку разрушения психики на двадцать один процент, в последнем случае это были сутки. Но гипофиз всё равно растёт.

— И ограничить его нельзя.

— К сожалению. Именно за счёт его увеличения и смещения и возникают так необходимые нам свойства. Но, к сожалению, в итоге образцы всё равно сдаются.

— Изменения в психике за прошедшую неделю есть?

— Мы провели поведенческий анализ лабораторных образцов. Такое впечатление, что перед личностным распадом они выпадают из реальности. Меняются вкусовые ощущения, пропадает чувство расстояния, даже вестибулярный аппарат при правильном функционировании неверно интерпретирует простейшие направления типа верх-низ.

— Вы мне сказки-то не рассказывайте.

— Мистер Валленштайн, какие сказки. — Маверик даже обиделся. — Всё зафиксировано в отчётах. Как раз перед вашим звонком я их просматривал.

— Ладно, работайте.

Шеф отключился как всегда лаконично — без лишних слов. Маверик вздохнул и поднял отложенный лист. Его очень заинтересовала спектрограмма дыхания. В ней присутствовали странно знакомые пики.

На попытку вспомнить было убито больше десяти минут, но результат оказался нулевым. Единственное, что удалось вспомнить, — ощущение радости, чётко ассоциированное с по-

добным спектром. Джон отложил лист с распечаткой в сторону, с тем чтобы отдать на расшифровку.

Чей же это спектр, такой знакомый? — не шла из головы мысль. И почему ему было в связи с ним так весело?

Однако память не желала помочь, и Маверик продолжил изучение отчётов. Данные, шедшие непосредственно за распечаткой спектрограммы, сильно отличались от всех остальных. Он даже решил, что в расчёты вкралась ошибка. Пришлось посидеть ещё почти полчаса, чтобы проверить результаты дневной работы доктора Брауна. В итоге он встал из-за стола и прошёлся по кабинету с благожелательной улыбкой на губах.

Доктор Браун таки смог. Судя по результатам тестирования, прошло уже сто восемьдесят процентов среднего срока, а распада личности лабораторного образца пока не было.

Через пять минут радости профессор вспомнил историю двадцатилетней давности. Тогда, будучи аспирантом, он тоже проводил рискованный опыт, и, как ему казалось, достиг стабильных результатов. Но потом оказалось, что дежурный по лаборатории просто убрал на ночь чашку Петри в холодильник, и колония микроорганизмов замерла в своём развитии. Утром пришёл новый дежурный и в ужасе вос-

становил порядок на лабораторном столе буквально за пять минут до появления Маверика. Этим и объяснялись стабильные результаты эксперимента.

Надо всё ещё и ещё раз проверить, подумал профессор, и, отложив листы в отдельную папку, начал собираться. Рабочий день кончился час назад.